

После того как четверка насытилась и наелась, в теплой ночной закуской витал аромат еды и дым. Е Ваншу, доев последний шашлык, нежно протерла уголки губ бумажной салфеткой, ее сияющие глаза были полны любопытства, она наклонила голову и спросила: «Сестра, сколько наличных средств у Секты Лазурных Облаков, чтобы ты могла купить этот аукционный дом, не моргнув глазом?» Говоря это, она покачала Кан Линъи за руку, выглядя как ребенок, нетерпеливо желающий услышать историю.

Кан Линъи опустила чайную чашку, на ее губах играла уверенная и озорная улыбка, она легонько прикоснулась указательным пальцем к лбу Е Ваншу и, смеясь, поправила: «Милая, ты задала неверный вопрос. Не следует спрашивать, сколько у Секты Лазурных Облаков наличных, нужно спрашивать, сколько денег у меня?» Как только она это сказала, не только Е Ваншу широко распахнула глаза, но и подошедшие Сяо Сучао и Гу Сюхань бросили на нее заинтересованные взгляды.

Кан Линъи неторопливо откинулась на спинку стула, пригладила выбившиеся пряди волос у уха, а затем медленно заговорила: «Бизнес нашей семьи Е в эти годы не ограничивается только тем, что лежит на поверхности. Инвестиции за рубежом, новые технологические отрасли, а также скрытые семейные трасты – все это накапливалось, и богатство, накопленное таким образом, намного превышает воображение посторонних». Она слегка приподняла подбородок, в ее глазах мелькал умный и острый блеск: «Купить аукционный дом для меня – это просто переместить несколько цифр в моих счетах, так же легко, как ты обычно покупаешь помаду».

Е Ваншу в изумлении ахнула: «Сестра, оказывается, наша семья так богата! Я глупо думала, что мы полагаемся только на эти отрасли Секты Лазурных Облаков». С этими словами она игриво высунула язычок.

Сяо Сучао рядом подшутил: «Линъи действительно скрывает свои истинные возможности, меня почти ввели в заблуждение, и я уже подумывал, не стоит ли мне в критический момент одолжить тебе денег». Его губы тронула легкая улыбка, а глаза были полны нежности.

Гу Сюхань тоже кивнул: «Теперь Господин Ван, вероятно, будет еще больше зол. Он думал, что схватил семью Е за руку, и сможет блеснуть на аукционе, но не ожидал, что это будет просто попытка муравья сдвинуть гору».

Кан Линъи тихонько фыркнула: «Он только и умеет, что пугать, это представление стало для него уроком, чтобы он знал, что не стоит бездумно связываться с теми, кого нельзя провоцировать». Сказав это, она потянулась и встала: «Пойдемте, мы так долго тут копались, пора возвращаться домой и хорошо отдохнуть».

Несколько человек вышли из ночной закуской, ночной ветер уже не был таким пронизывающим, как раньше, принося с собой легкую прохладу. Е Ваншу держала Кан Линъи под руку, сестры шли впереди медленным шагом, время от времени тихо перешептываясь о чем-то сокровенном. Сяо Сучао и Гу Сюхань отставали на полшага, молчаливо оберегая их.

Едва подойдя к машине, мобильный телефон Кан Линъи внезапно завибрировал. Она вытащила его и посмотрела, ее лицо мгновенно стало серьезным. Е Ваншу чутко уловила, что что-то не так, и поспешно спросила: «Сестра, что случилось?» Кан Линъи глубоко вздохнула и серьезно сказала: «В секте возникла какая-то срочная проблема, и мне нужно немедленно вернуться, чтобы разобраться».

Сяо Сучао немедленно сказал: «Я отвезу тебя». Гу Сюхань тоже сказал Е Ваншу: «Я сначала отвезу тебя домой, если что-нибудь случится, связывайся со мной в любое время». Е Ваншу,

хотя и немного тревожилась, тоже знала, что сейчас нельзя создавать проблем, и кивнула: «Сестра, не слишком торопись, если что-нибудь случится, позвони мне».

Машина стремительно помчалась прочь. Е Ваншу смотрела на удаляющийся автомобиль, полная беспокойства. А по другую сторону, сидя в машине, Кан Линъи смотрела холодным и решительным взглядом, быстро обдумывая план действий в уме, совершенно не проявляя прежней беззаботности, как во время ужина.

В строгой и торжественной конференц-зале Секты Лазурных Облаков атмосфера была настолько напряженной, что казалось, из нее могла каплями вытекать вода. Ло Юнь и Старейшина Вэнь стояли друг напротив друга, готовые вступить в схватку, между ними будто проходили невидимые электрические разряды, бурно сталкиваясь.

Старейшина Вэнь с мрачным взглядом, в его голосе звучали полные агрессии вопросы: «Защитница Ло, место Императрицы по праву должно занимать более способный человек, почему ты так безрассудно защищаешь ее?»

Ло Юнь, услышав это, мгновенно нахмурила брови, гневное выражение резко появилось на ее лице, она резко повысила голос в ответ: «Это не причина для вас подбирать кого угодно, чтобы попытаться заменить Императрицу! Если вы считаете, что Ее Величество Императрица не достойна занимать место Верховного Правителя, тогда не забывайте, что вы сами выходец из бедной семьи, Императрица выбрала вас, несмотря на все возражения, и именно Императрица, опираясь на свой мудрость, отвагу и решительность, вывела Секту Лазурных Облаков из неизвестности и возвела ее в статус, которым все трепещут. Смее спросить, сможет ли человек, которого вы привели, сделать это? Сможете ли вы сами это сделать?»

Голос Ло Юнь эхом разносился по конференц-залу, неся непоколебимую решимость и верность Императрице. Она выпрямила спину, ее взгляд горел, устремленный на Старейшину Вэня, словно желая своими глазами раздавить его недобрые намерения.

Старейшина Вэнь был так загнан ответом Ло Юнь, что на мгновение потерял дар речи, его лицо то краснело, то бледнело, в глазах промелькнул намек на панику, но он быстро принял напускное спокойствие и холодно фыркнул: «Хм, даже если все так, как ты говоришь, и что с того? Сейчас развитие Секты Лазурных Облаков зашло в тупик, а Императрица ничего не предпринимает, неужели ее нужно позволить дальше промедлить?»

Ло Юнь посмотрела на него с гневом и громко ответила: «Зашло в тупик? Это всего лишь временные трудности, а вы думаете, что сменив человека, их можно легко решить? Императрица всегда прикладывала все усилия для секты, а вы в этот критический момент пытаетесь узурпировать власть, где ваша совесть?»

В этот момент другие старейшины, которые до сих пор молчали, начали перешептываться и обсуждать. Некоторые, казалось, согласно кивали, разделяя точку зрения Старейшины Вэня; некоторые выглядели обеспокоенными, их лица выражали тревогу по поводу сложившейся ситуации.

Старейшина Вэнь, видя эту сцену, почувствовал некоторую уверенность, повысил голос и сказал: «Ло Юнь, не говори здесь ерунду. Я делаю это тоже ради будущего Секты Лазурных Облаков, пока секта может стать сильнее, какой метод использовать, не имеет значения?»

Ло Юнь рассмеялась от гнева и насмешливо сказала: «Ради секты? Боюсь, что ради собственной корысти! Правила и принципы секты для вас так несущественны?»

В тот момент, когда стороны оказались в тупике, дверь конференц-зала с силой распахнулась, и Кан Линъи вошла с уверенной походкой, за ней следовал Сяо Сучао. Ее взгляд был острым, она окинула взглядом всех присутствующих и холодно сказала: «Все замолчите!»

Все присутствующие будто застыли, только что бурная и шумная сцена мгновенно затихла, словно под гипнозом, все взгляды устремились к Императрице, полные благоговения и любопытства. Императрица ступала легкими шагами, каждый шаг казался ударом по сердцам присутствующих, она величественно подошла к главному месту и, демонстрируя грацию и неоспоримую власть, медленно опустилась на трон. Взгляд ее, словно жгучий факел, пронзил толпу и точно прицелился в Старейшину Вэня, заставив его почувствовать себя крайне некомфортно.

Императрица приоткрыла свои алые губы, ее голос был холодным, но нес в себе нотки морозного холода: «Мне действительно интересно, почему я не получила ни одного известия, и как Старейшина Вэнь так беззвучно выбрался из Небесной Тюрьмы Мира Богов? Небесная Тюрьма Мира Богов всегда была строгим местом для наказания особо опасных преступников Мира Богов, туда не могут свободно входить и выходить какие попало, только Божественные Владыки четвертого ранга и выше имеют право доступа». Сказав это, она сделала короткую паузу, ее взгляд стал еще более острым, словно пытаясь пронзить Старейшину Вэня: «Я ведь отчетливо помню, что в рейтинге божественных должностей Старейшина Вэнь числился лишь восьмым по счету, что на сто тысяч восемь тысяч ли отличается от нужного. Если бы не то, что Старейшина Вэнь сознательно спланировал и действовал скрытно, тогда, вероятно, вина лежит на создателе этой тюрьмы – Дьявольском Императоре, который допустил такую крупную промашку в охране».

Кан Линъи слегка приподняла подбородок, усмехаясь, ее глаза излучали игривость и угрозу, она медленно продолжила: «Не лучше ли мне сейчас связаться с Дьявольским Императором, чтобы он знал, что его Небесная Тюрьма, похоже, была взломана, и заодно вернуть вас, Старейшина Вэнь, в целости и сохранности? Чтобы вернуть тюрьме спокойствие, и чтобы другие не подвергали сомнению методы Дьявольского Императора». Как только она это сказала, вокруг послышались тихие вздохи, все понимали, что если их действительно отправят обратно в тюрьму, у Старейшины Вэня не будет никаких шансов выбраться.

Старейшина Вэнь затрясся от злости, его щеки раздулись, как у жабы, его обычно ухоженная борода была растрепана от глубоких вдохов, он широко раскрыл глаза, указывая на Кан Линъи, и гневно прокричал: «Ты не смей меня слишком сильно притеснять! Я служил Секте Лазурных Облаков верой и правдой столько лет, если не было заслуг, то были и труды, как ты можешь так безосновательно обвинять меня, навешивая на меня такое необоснованное преступление!» Голос его, вследствие гнева, стал немного надтреснутым, потеряв прежнюю невозмутимость.

Кан Линъи вздернула свои изящные брови, ее выражение лица осталось безмятежным, она лишь слегка взглянула на Старейшину Вэня, ее взгляд был подобен взгляду загнанного зверя, делающего последнюю попытку выбраться: «Безосновательно обвинять? Старейшина Вэнь, до этого момента вы все еще хотите оправдываться. Если хочешь, чтобы никто не узнал, ты сам не должен этого делать, вы думаете, что ваш план был безупречен, но разве бывает стена, через которую не просачивается ветер?»

Она слегка подняла руку, и стоящий рядом служитель подал ей жетон, излучающий холодное сияние. Кан Линъи легонько обхватила его пальцами и показала всем: «Его нашли у одного из убийц, руны на нем идентичны пропускному жетону в Небесную Тюрьму Мира Богов, а эту ауру, Старейшина Вэнь, вы, вероятно, хорошо знаете».

Увидев жетон, лицо Старейшины Вэня мгновенно стало мертвенно-бледным, большие капли пота скатились по его лбу, падая на землю и оставляя небольшие влажные пятна. Его губы дрожали, после долгого молчания он с трудом выдавил: «Это... это точно кто-то подставил меня, специально оговаривает!»

Ло Юнь шагнула вперед и холодно рассмеялась: «Оговорен? Старейшина Вэнь, тогда почему все убийцы – ваши доверенные лица? Расскажите-ка, кто мог бесшумно командовать вашими людьми и точно в момент покушения предъявить удостоверение личности из Небесной Тюрьмы?»

Услышав это, толпа внизу разразилась шумом, и взгляды, устремленные на Старейшину Вэня, были полны презрения и гнева. Старейшина Вэнь обвел взглядом окружающих, увидел, что взгляды их остры, как ножи, сердце его забилося еще сильнее от паники, он вдруг упал на колени и, обращаясь к Кан Линъи, умолял: «Ваше Величество, старый слуга на мгновение ослеп, был обманут злодеем, и совершил такую ужасную ошибку, умоляю Ваше Величество простить жизнь старому слуге!»

Кан Линъи промолчала несколько секунд, давление, исходящее от нее, резко снизилось, почти заставив всех задыхаться: «Моя память не очень хорошая, но я не забыла, как Старейшина Вэнь и Дворец Шанъян пытались украсть Траву Бога, и были разоблачены мной. Тогда вы говорили то же самое».

Кан Линъи помолчала, выражение ее лица застыло, словно лед, холодное и величественное. Внезапно исходящее от нее давление усилилось, эта невидимая сила, подобно тяжелой горе, обрушилась на всех, почти лишив их возможности дышать.

Ее голос стал низким и резким, словно доносился из самой преисподней: «У меня плохая память, но я не забыла, как Старейшина Вэнь и Дворец Шанъян пытались украсть Траву Бога, и были разоблачены мной. Тогда и сейчас твои слова были те же».

Лицо Старейшины Вэня мгновенно стало бледным, большие капли пота катились по его лбу, губы дрожали, он хотел оправдаться, но не знал, с чего начать.

Кан Линъи продолжала: «Раньше я проявляла к тебе милосердие, учитывая твой небольшой вклад в Секту Лазурных Облаков, и пощадила твою жизнь. Я не ожидала, что ты не только не раскаешься, но и будешь продолжать, а теперь даже пытаешься узурпировать власть! Ты действительно считаешь мою снисходительность слабостью и возможностью для издевательств?»

В этот момент ноги Старейшины Вэня подкосились, он с глухим стуком упал на колени, его голос, полный слез, звучал: «Ваше Величество, пощадите меня, старый слуга на мгновение ослеп, был обманут, умоляю Ваше Величество дать мне еще один шанс».

Сяо Сучао, у которого на лице была едва заметная улыбка, в мгновение ока потерял ее, его взгляд стал холодным, как арктический мороз, он мелькнул и, словно призрак, приблизился к Старейшине Вэню. Его веер резко раскрылся, а затем медленно сложился, каждое движение излучало ледяную душу неспешность.

«Старейшина Вэнь, не испытывайте мое терпение», – тихо произнес Сяо Сучао, его голос был низким, но казалось, что он нес в себе ледяную крошку, – «Дело Дворца Шанъян, вы думали, что сможете отделаться парой слов? Кража Травы Бога, такой рискованный поступок, Дворец Шанъян всегда выбирал партнеров с особой тщательностью, как могли они втянуть вас, старую кость, в это дело? Вы действительно не понимаете?»

Сказав это, он обошел Старейшину Вэня, то приближаясь, чтобы уловить запах его холодного пота, то отступая, но взгляд его, как присосавшаяся пиявка, неотступно следил за ним. «У меня отличная память, та мелкая группировка видела вас послушной, как домашнюю перепелку, слово «хозяин» звучало льстиво и громко. Хм, неужели вы тайно держали своих приспешников, ожидая подходящего момента, чтобы устроить переполох?» С этими словами он достал из рукава нефритовый кулон алой луны и уток, играя им на кончиках пальцев, в теплом желтом свете свечи кулон излучал жутковатое сияние. «Этот чертов кулон несет в себе запах запретных пустошей, он должен быть символом Священного Владыки, как он оказался у вас? Неужели украли? И вы думали, что я не разберусь?»

Кан Линъи стояла рядом, холодно наблюдая, как лицо Старейшины Вэня становится все бледнее, в ее сердце уже сложилось окончательное решение. Старейшина Вэнь сглотнул, и, набравшись храбрости, попытался возразить: «Ваше Величество, вы ни в коем случае не должны поддаваться слухам и быть введенным в заблуждение, я всегда был искренне предан Вашему Величеству, это злой умысел, чтобы подставить меня!»

Взгляд Сяо Сучао мгновенно стал свирепым, он выхватил телефон и быстро пролистал экран, на светящемся дисплее были неопровержимые доказательства вины Старейшины Вэня: тайные встречи с шпионами Дворца Шанъян в ночи, паникующие и возбужденные выражения лиц; передача золота, серебра и загадочных свертков, ловкие и жадные движения; та мелкая группировка, действовавшая по его приказу, заточившая ножи, все в движении. «Открой свои собачьи глаза!» Сяо Сучао бросил телефон в руки Старейшине Вэню, его голос резко повысился: «Посмотри внимательно, это железные доказательства, если ты еще будешь упрямяться, у меня есть все методы, чтобы ты пожалел о своем поведении!»

Старейшина Вэнь поймал телефон, его пальцы дрожали, когда он открыл видео, глядя на изображение, его ноги подкосились, он с глухим стуком упал на колени, все его тело дрожало, как от сита, а изо рта он бормотал, больше не в силах сложить цельную речь. Окружающие замерли в благоговейном страхе, взгляды, устремленные на него, были полны отвращения и ужаса.

Кан Линъи почувствовала, будто ее голова была тяжело ударена, усталость нахлынула на нее, как бурлящий океан. Ее тонкие пальцы сильно надавливали на переносицу, пытаясь разглядеть накопившуюся боль, ее голос был хриплым и резким: «Сбросьте его вниз, запирайте в самой глубокой части темницы, найдите самых сильных и умелых тюремщиков, чтобы они тщательно допросили его, если будет хоть малейшее сокрытие, они будут отвечать!» Стоящие рядом стражники дружно ответили, оттачив, словно труп, подкосившегося и дрожащего, как от сита, Старейшину Вэня. Старейшина Вэнь хотел вырваться и умолять, рот его открывался и закрывался, но страх перекрыл ему горло, он издавал лишь слабые всхлипы, пока его не вытащили из зала, и его тихие звуки окончательно не исчезли.

Только тогда Кан Линъи слабо махнула рукой и сказала обессиленно: «Ладно, всем разойтись». Все ушли один за другим, их шаги были быстрыми и бесшумными, словно боясь вызвать гнев. Вскоре в просторном зале остались только она и Сяо Сучао, тишина была несколько угнетающей.

Когда все полностью затихло, Кан Линъи медленно подняла глаза, ее взгляд, устремленный на Сяо Сучао, был полон любви и ненависти, гнева и сомнения... все эмоции смешались в один клубок, столь же сложный, как и первозданный хаос. Она сделала паузу, наконец заговорила, ее голос с неуловимым дрожью: «Я никогда никому об этом не говорила, ты... как узнал?»

Сяо Сучао замер, словно не ожидал ее внезапного вопроса. После минуты молчания он глубоко

вздыхнул, сделал маленький шаг вперед, в его глазах была осторожная нежность и чувство вины: «С того момента, как ты вернулась в августе и твои подчиненные стали работать день и ночь, я невольно стал обращать внимание на каждое твое движение. Я приказал следить за твоим расписанием, куда ты пошла, с кем встретилась, даже если это был обычный обед, я знал все до мельчайших подробностей». С этими словами он слегка опустил голову, будто не смея смотреть в глаза Кан Линъи: «Я знаю, что три года назад я совершил огромную ошибку, те раны, которые я тебе нанес, уже произошли, и их нельзя изменить. Но каждый раз, когда я думаю, что ты можешь снова уйти от меня, мое сердце будто пронзает раскаленный нож, и я не могу дышать от боли. Поэтому я могу только стараться быть рядом с тобой, защищать тебя, следить за тобой».

Он поднял голову, в его глазах была искренность и мольба: «Я прекрасно понимаю, что в эти дни ты позволила мне приблизиться к себе, наверное, не из-за возобновления старых чувств. Скорее всего, ты планируешь месть, или, возможно, у меня есть то, что тебе нужно для достижения твоей цели. Но это не имеет значения, достаточно твоей одной фразы, даже если это будет моя жизнь, я отдам ее без колебаний. Только прошу тебя, не покидай меня больше».

Кан Линъи же, словно услышав какая-то шутка, холодно хмыкнула, быстро отвела взгляд, отвернулась, снова жестоко подавив эмоции, которые почти вырвались наружу, оставшись лишь холодным и решительным профилем для Сяо Сучао.

Кан Линъи пошатнулась, словно ее сильно ударило невидимым порывом ветра, она с трудом протянула руку и схватилась за резной стол рядом, только так она удержалась от того, чтобы не упасть. В этот момент ее лицо было изможденным, глаза, раньше такие подвижные и яркие, теперь казались двумя иссохшими колодцами, излучающими бесконечную усталость и перемены, а также глубоко скрытую ненависть. Она медленно отвернулась, не желая больше видеть Сяо Сучао, ее голос был сухим и холодным, словно воздух, выходящий из древнего, изношенного мешка: «Ты все знаешь... Тогда быстро уходи, не дразни меня, не беспокой меня больше. Авария трехлетней давности, я боролась, цепляясь за жизнь, выбираясь из врата ада, я не хочу и ни в коем случае не могу вернуться в те темные дни. Наше дело с тобой пусть будет на этом закончено». Она горько усмехнулась, пальцы машинально коснулись ее груди, где когда-то хранились самые горячие надежды на любовь и будущее, но они были безжалостно разбиты. «На камне трех жизней мое имя уже давно стерлось, даже небеса не признают нашу судьбу, почему ты не можешь успокоиться?»

Сяо Сучао, словно пораженный громом, сильно зашатался, сделал несколько шагов вперед, его глаза мгновенно покраснели, слезы навернулись на них, голос звучал с ноткой отчаянной мольбы: «Я не уйду! Я действительно знаю, что был неправ, поверь мне...»

«Поверить тебе?» Кан Линъи, словно услышав самую абсурдную шутку в мире, резко повернулась, в ее глазах ярость вспыхнула, как огонь, сжигая последнюю долю сдержанности. «Что толку от твоих нынешних пылких слов? Некоторые вещи, если упустить, уже никогда не вернуть! Ты говоришь, что знаешь, где ошибся, а как насчет трех лет назад? Ради Вэнь Луаньсинь, что ты такого натворил!»

Ее грудь тяжело вздымалась, эмоции становились все более бурными, прошлые кошмарные сцены мелькали перед ее глазами, как в калейдоскопе: «Ты лично принес ту миску с супом, разбавленным кровавым ядом, подошел ко мне и, без колебаний в глазах, заставил меня выпить. Как только яд попал в горло, словно тысячи раскаленных стальных игл, он помчался по моим кровеносным сосудам, моя духовная сила мгновенно вышла из-под контроля, и мои обычно гладкие меридианы были заблокированы дюйм за дюймом, а затем полностью разорваны, такая невыносимая боль, что я даже не могла крикнуть!»

Слезы текли из глаз Кан Линъи, но она этого не замечала, лишь из последних сил кричала: «Я была беременна, с радостью ожидая новую жизнь, а ты бросил меня в Меч-формацию Убийцы Почитаемых, холодные мечи бесчинствовали, мой ребенок изо всех сил боролся в моем животе, я чуть не потеряла его! Едва я дождалась рождения ребенка, Вэнь Луаньсинь, эта злобная женщина, напала на младенца, а где был ты? Ты не только не защищал нас, но и безжалостно заставил меня прыгнуть с обрыва!»

Она рыдала, обняв себя руками, словно вновь оказалась в ледяном и холодном гробу Слабой Воды: «Я пролежала в этом ледяном гробу целых два года! Без света, мое тело онемело от холода, каждый день тело восстанавливалось, меридианы перестраивались, каждая минута боли была выжжена на костях, и все это благодаря тебе! Ты должен мне. Неужели эти жалкие два дня фальшивой любезности могут это компенсировать? Чем ты собираешься вернуть, чем ты собираешься искупить грехи, которые совершил, и заполнить мою изъязвленную, разбитую вдребезги душу?» Весь дворец, казалось, был наполнен глубокой печалью и ненавистью, атмосфера была настолько гнетущей, что невозможно было дышать.

В глазах Сяо Сучао, словно поднялись бушующие волны, паника и отчаяние сплелись в непроницаемую сеть, поймав весь его разум. Видя, как Кан Линъи решительно отворачивается, ее решительная спина, казалось, вот-вот исчезнет из его жизни, его сердце резко сжалось, он мгновенно охватился огромным страхом и, не раздумывая, бросился вперед.

Он внезапно протянул руки и изо всех сил обнял Кан Линъи, его руки, словно две прочные стальные обручи, мышцы были напряжены, вены вздулись, словно пытаясь противостоять любой силе, которая хотела их разлучить. Он прижал Кан Линъи к себе, его грудь тяжело вздымалась, горячее дыхание было быстрыми и неровными, все оно оседало на шее Кан Линъи, с обжигающей температурой и почти безумной мольбой.

«Не уходи... не уходи...» Его губы прижимались к уху Кан Линъи, он снова и снова бормотал, голос его был сломан, каждое слово дрожало невыносимо. Эти тихие слова, словно вой раненого зверька, отдавались эхом в просторном и тихом дворце, разбивая холодную тишину, и прямо проникая в холодную стену сердца, возведенную Кан Линъи. «Прости...» Эти три слова, вытираясь снова и снова раскаянием из глубины его души, каждое произнесение, словно отнимало все силы, тяжело падая в сгущающийся воздух между ними.

Слегка отдышавшись, он снова заговорил с жаром, его голос был настолько хриплым, словно песок терся о наждачную бумагу, каждый слог причинял режущую боль: «Я люблю тебя, правда, эта любовь никогда не исчезала, она просто глубоко погребена под бесконечным чувством вины и раскаянием». Сказав это, его кадык сильно дернулся, он с трудом сглотнул горечь, охватившую его: «Я прекрасно знаю, что три года назад твоя любовь была полностью растрачена мной, этим негодяем с волчьим сердцем и свиным дыханием». Прошлые недостойные сцены проносились в его сознании, как бушующие приливы, ради Вэнь Луаньсинь он раз за разом равнодушно наблюдал за беспомощностью Кан Линъи, лично растоптал бывшие клятвы верности в грязь, эти глупые и безжалостные поступки теперь превратились в острые, как бритва, лезвия, которые раз за разом терзали его сердце.

Он медленно поднял голову, его взгляд с осторожностью и мольбой упал на профиль Кан Линъи, его глаза стали красными, словно готовые кровоточить, слезы собирались в них, образуя бездонное озеро отчаяния, но он изо всех сил старался не дать им пролиться, словно если эти слезы упадут, то последнее призрачное надежда тоже исчезнет. В этот момент он совершенно утратил величие императора, обычно восседающего на троне и распоряжающегося государством, он стал всего лишь потерявшимся в любви, совершившим большую ошибку, ныне полным раскаяния и смиренно молящим о прощении несчастным

человеком.

Это отложенное на три года извинение и объяснение было подобно запоздалому весеннему дождю, который должен был напоить всё живое, но пришёл слишком поздно. Время возвело в сердце Кан Линъи несокрушимую крепость, и сможет ли эта запоздалая глубокая привязанность растопить лёд – никто не знал. Возможно, её сочтут ненужной макулатурой и безжалостно выбросят, оставив прошлые обиды и страсти погружаться в реку времён и медленно истлевать; а возможно, удастся пробить крошечную щель, и застывшая на долгие годы любовь получит шанс вновь увидеть свет.

Глаза Кан Линъи были подобны двум бездонным холодным прудам, из которых струился тонкий ручеёк ледяного холода. Она слегка отвернулась, намеренно избегая горящего и полного надежд взгляда Сяо Сучао, и вырвалась из его объятий. После минутного молчания её губы тихо приоткрылись, и голос прозвучал легко и холодно, словно нёс в себе иней январских морозов: «Я не принимаю».

Каждое слово звучало весомо, падая в тихий воздух и выбивая невидимые круги. Она словно провалилась в болото прошлого, где невыносимые воспоминания бушевали, наполняя грудь до отказа. Когда-то она, полная чистейшей девичьей любви, без колебаний бросилась к нему, искренне веря, что они пройдут рука об руку долгие годы. Но в ответ получила лишь искусно замаскированное предательство и обман, растоптанное достоинство, разорванную надежду.

«Я больше не могу любить...» — Кан Линъи подняла руку и осторожно прикрыла грудь, где когда-то билось страстное сердце, а теперь остались лишь бесчисленные раны. — «Каждое сердечное волнение приносит лишь мучительную боль, моё сердце и так изъедено, оно больше не выдержит потрясений». Её голос постепенно срывался, слёзы затуманили глаза, но она упрямо не желала их проливать, подавляя хрупкость.

Немного отдышавшись, она глубоко вздохнула, старательно выпрямила спину, чтобы выглядеть ещё более решительной: «Я не хочу больше влюбляться в тебя, ни капли. Прошное считай кошмарным сном, теперь я проснулась и не хочу, чтобы меня туда тащили обратно». Её взгляд снова встретился со взглядом Сяо Сучао, в нём не было ни капли тепла. — «Уходи. С этого момента мосты – это мосты, дороги – это дороги; между нами больше ничего нет, не приходи сюда больше, чтобы запутывать меня и нарушать покой моей оставшейся жизни». Сказав это, воздух вокруг словно застыл, оставляя лишь её холодную и неоспоримую ауру, отделяющую Сяо Сучао.

<http://bllate.org/book/19648/1932200>